

УДК: 130.2:392.86

DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-1-0-3

Михайлин В. Ю.¹, Тихонова С. В.² | Протомедиальность архаического срединного пространства: случай симпозиа

¹ Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, ул. Астраханская, д. 83, г. Саратов, 410012, Россия; vmikhailin@yandex.ru

² Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, ул. Астраханская, д. 83, г. Саратов, 410012, Россия; segedasv@yandex.ru

Аннотация. Авторы рассматривают протомедиальность как ключевую характеристику истории медиа. Проблемы социокультурной функциональности зон и пространств древних поселений частично затрагивались в антропологических исследованиях, однако развитие теории медиакоммуникации создает возможности для выявления новых междисциплинарных полей. Авторы исходят из того, что история медиа может быть рассмотрена как медиаантропология, позволяющая совмещать категориальные ряды теории медиа и качественные антропологические исследования древних культур. Протомедиальность в этом ракурсе опирается на широкое понимание медиа как посредника любой природы, делающего возможным передачу социальных смыслов. Под ней авторы понимают коммуникационную характеристику древних обществ, задаваемую сопряжением социальной коммуникации и конфигурации обжитого пространства. Дворцово-храмовая архитектура Древнего мира центрирует фигуру обожествленного царя как ключевого посредника между богами и людьми, инициирующего оформление символического строя социального пространства. В полисах Древней Греции, состоящих из конфликтующих и конкурирующих социальных групп, сформировалась потребность в особой среде, позволяющей конвертировать внутренние групповые коды и идентичности друг друга в единое социально-политическое целое. Ее видами стали особые формы срединных публичных пространств, структуриацию которых авторы рассматривают на примере симпозиа. Представляя собой институт домашнего праздника, устраиваемого в условиях андронов городских домов, симпосий формировал узкое сообщество равных (независимо от их реального или отсутствующего гражданского статуса за стенами дома) через включение их в агональные, гедонистические и демонстративные практики. Авторы показывают, как в симпосиальных рамках осуществлялась синхронизация локальных культурных кодов, необходимая для формирования общегражданской идентичности, и приходят к выводу о том, что она и составляет содержание протомедиальности симпозиа.

Ключевые слова: история медиа; протомедиальность; срединное пространство; симпосий; античность

Для цитирования: Михайлин, В. Ю. и Тихонова, С. В. (2025), «Протомедийность архаического срединного пространства: случай симпозиума», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 11 (1), 28-37. DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-1-0-3

V. Yu. Mikhailin¹,
S. V. Tikhonova²

**Protomediality of the archaic middle space: the case
of the symposium**

¹Chernyshevsky Saratov National Research State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov, 410012, Russia; vmikhailin@yandex.ru

²Chernyshevsky Saratov National Research State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov, 410012, Russia; segedasv@yandex.ru

Abstract. The authors consider protomediality as a key characteristic of media history. The problems of the socio-cultural functionality of the zones and spaces of ancient settlements have been partially addressed in anthropological research, but the development of the theory of media communication creates opportunities for identifying new interdisciplinary fields. The authors proceed from the fact that the history of media can be considered as media anthropology, which allows combining the categorical series of media theory and qualitative anthropological studies of ancient cultures. Protomediality in this perspective relies on a broad understanding of media as a mediator of any nature that makes possible the transmission of social meanings. Protomediality is seen as a communication characteristic of ancient societies, set by the conjugation of social communication and the configuration of habitable space. The palace and temple architecture of the Ancient World centers the figure of the deified king as a key mediator between gods and people, initiating the design of the symbolic structure of social space. In the polities of Ancient Greece, consisting of conflicting and competing social groups, there was a need for a special environment that allows converting each other's internal group codes and identities into a single socio-political whole. Its types are special forms of middle public spaces, the structuring of which the authors consider using the example of a symposium. Representing the institution of a house party organized in the conditions of andronous urban houses, the symposium formed a narrow community of equals (regardless of their real or absent civil status outside the walls of the house) through their inclusion in agonal, hedonistic and demonstrative practices. The authors show how the synchronization of local cultural codes, necessary for the formation of a common civil identity, was carried out within the symposium framework, and come to the conclusion that it constitutes the content of the protomediality of the symposium.

Keywords: history of media; protomediality; middle space; symposium; antiquity

For citation: Mikhailin, V. Yu. and Tikhonova, S. V. (2025), "Protomediality of the archaic middle space: the case of the symposium", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 11 (1), 28-37, DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-1-0-3

В современных медиаисследованиях интерпретируются в парадигме
медиа мыслятся инструментально. За технологического детерминизма как
редким исключением они технические средства, приспособления,

использование которых укладывается в логику орудий труда, в которой один предмет трансформируется для того, чтобы видоизменить другой. Если орудия труда меняют вещи, то медиа связывают с этими вещами смыслы и на этой основе эти смыслы передают от человека к человеку. Поскольку процесс трансформации осуществляется человеком с помощью мышечной силы, постольку техника всегда человекоразмерна, даже гигантские современные машины в основе своей содержат конфигурации, восходящие к временам, когда все металлические детали выходили из рук кузнеца. Однако самым ранним объектом, используемым человеком для передачи социальной информации, становится пространство человеческих поселений.

В доисторическое время структура поселения и социальное пространство по содержанию связей совпадают; в первой функциональное, заданное бытовыми потребностями, теснейшим образом переплетается с социальным, заданным половозрастным разделением труда и основанным на социальном статусе. Постепенно это переплетение потеряет свою прозрачность, и от основоположников пространственного подхода П.А. Сорокина и П. Бурдые обоснование пространственного статуса в социальной теории потребует немалых усилий. Однако в интересующий нас период в древних городах его все еще можно было наблюдать. Если в Египте и Месопотамии мы видим сосредоточение социального в сакральном, выраженном в храмовой и дворцовой архитектуре, являющейся плацдармом для связи фараона/царя с богами, то на древнегреческом материале мы можем проследить реакцию материальной среды города на потребность в осуществлении социального диалога между разными общественными группами, слишком многочисленными, чтобы они могли легко встретиться лицом к лицу, и слишком разрозненными в своей жизнедеятельности для случайной

синхронизации. На сегодняшний день патриархально-коммуникативная теория возникновения государства Аристотеля может считаться вполне релевантной афинскому положению дел – этот полис действительно складывался из поселков, созданных различными родами, которые постепенно слились в единое целое, и новое качество их взаимодействия объективировалось не только в политическом строе, но и в том, что было основой «зонирования» городского пространства. Демократия как политическая практика весьма затратна не только с точки зрения временных, но и с точки зрения пространственных ресурсов.

Она вызвала к жизни городское пространство особого вида, а именно срединное пространство, способное объединять идентификацию социальных групп и процессы рационализации речи, ее освобождение от мистериальной цензуры и трансформацию в теоретический инструмент, которому мы обязаны древнегреческой философией. Инструмент этот был по природе политическим, и именно он до сих пор позволяет нам проектировать социальное устройство и моделировать систему властеотношений. Однако лежащее в основе рациональной речи пространство собраний как ключевой топос произнесения этих речей не было нейтральным по отношению к говорению, оно само по себе воздействовало на массы, определяя их сознание и поведение, поскольку несло в себе вполне конкретные сообщения. Иначе говоря, оно выполняло медиальную функцию в маклюэновском смысле. Поскольку это пространство не являлось техническим средством и хронологически возникло в античности, а также в силу нашего уважения к медиатрадиции, мы обозначим эту его особенность как «протомедиальность». В рамках данной статьи мы попытаемся выявить ее содержание и специфику, представляющую интерес в контексте истории медиа.

Заявленный нами исследовательский ракурс выходит за рамки сложившейся в научной литературе традиции рассмотрения симпозиума как феномена духовной культуры, укорененного в стихии литературной и философской речи. Симпозиум как род литературных произведений, неразрывно связанный с диалогом, рассматривался И.П. Стрельниковой, определившей его как «неканонический нетрадиционный жанр» (Стрельникова, 1989: 137), эту линию продолжает Н.О. Егорова, по мнению которой симпозиум позволяет раскрывать логику серьезно-шутливого, трагикомического предмета или характера, а также способствует установлению точной типологии персонажей (Егорова, 2020: 8). Как формат философствования, соединяющий речь и диалогический текст, симпозиум рассматривают О.А. Шапиро и О.В. Зарапин, концентрирующиеся на структурировании философской коммуникации в рамках литературной стихии (Зарапин, Шапиро, 2016), этот подход близок к методологическому ракурсу анализа исторических типов социальной коммуникации в их связи с философскими концепциями диалога (Даренская, Лугуценко, 2022). Педагогическую линию изучения симпозиума задает В.К. Пичугина, анализирующая воспитательный потенциал симпозиального пира (Пичугина, 2015). Вместе с тем, необходимо отметить существование исследований, констатирующих бытование в античности специфической симпозиальной культуры и тем самым переводящих свою оптику в плоскость социальных практик (Martin, 2001; Зельченко, 2021). В этом ключе симпозиум может быть рассмотрен как событийная практика, вписанная в контекст материальной культуры через археологические данные (Завойкина, 2015).

На этой основе возможно исследование симпозиума как специфически организованного артефактного физического пространства, обеспечивающего сопряжение символических процессов, лежащих в основе структуриации пространства социального.

Необходимо отметить, что особая роль срединного пространства, μέσον, в архаическом и классическом греческом полисе уже становилась предметом специального анализа, осуществленного М. Детьеном (Detienne, 1967, 1996)¹: «Для всех этих социальных институтов – общих собраний, разделов добычи, погребальных игр – характерна одна и та же пространственная модель организации взаимодействия: центральный круг, встав в котором, всякий индивид должен, в идеале, оказаться в реципрокных и обратимых отношениях с каждым из присутствующих. Начиная с эпических времен, подобная репрезентация пространства характеризовалась двумя взаимодополняющими идеями: публичностью и общезначимостью. Для всех собравшихся *meson* был общим местом. Любые помещенные в него ценности становились общими, *xunēia*, то есть противопоставлялись *ktēmata*, ценностям, обретенным лично. То же касалось и слов, произнесенных в этом пространстве: они представляли собой предмет общезначимый» (Detienne, 1996: 97)². Для нас важна трансформация архаических социальных институтов, вышедших из поздней первобытности, в контексте урбанизации, поскольку симпозиум, театр, агора трансформируют исходные формы коллективных практик, о которых говорит Детьен (соборания, разделы добычи, погребальные игры).

Архаический греческий миф связывает функцию «правдоговорения»,

¹ При работе над данной статьей мы пользовались текстом американского переводного издания (Detienne, 1996) с оригинальной

публикации: Detienne, M. (1967), *Les Maîtres de vérité dans la Grèce archaïque*, Maspero, Paris, France.

² Здесь и далее перевод иноязычных текстов мой, если не указано иное. – В.М.

неотъемлемую от этого пространства, с фигурами царя, провидца и поэта – как и с особым типом речи, который свидетельствует о способности этих «Владельцев Истины» видеть невидимое и придавать событиям прошлого, настоящего и будущего особый смысл, не искаженный сиюминутными интересами и особенностями человеческой памяти. Эта речь «привносит в наличное бытие справедливость и учреждает законный порядок, не нуждающийся в формальном обосновании и в доказательствах истинности» (Detienne, 1996: 15-16). Она утверждает истину, ἀλήθεια, которая «сияет во тьме». Правом преимущественного доступа к этой истине пользуются люди «благие» и «светлые»: то есть аристократы, стяжавшие себе κλέος ἄφθιτον, «немеркнущую славу». Слава же завоевывается в агональных, состязательных практиках – воинских, атлетических, политических и т. д. – которые позволяют выявить «лучших», тех, на кого указали владеющие истиной боги.

«Гоплитская революция» середины VII века до н. э. радикально видоизменила характер и функциональные особенности греческого μέσον, превратив его в пространство публичной дискуссии, доступ к которой был открыт уже не только аристократам, но и каждому наделенному гражданским статусом индивиду, и которая вместо априорных суждений опиралась как раз на поиск доказательств и формальных оснований, на аргументацию, на принципы логического непротиворечия и диалога, основанного на способности проводить различие между личным высказыванием и отсылкой к чужому суждению. «Поэты стали выглядеть старомодными, – пишет по

данному поводу Марсель Детьен, – и места для этого типа магико-религиозной речи в греческом городе не осталось» (Detienne, 1996: 51).

Нам представляется, что в этом, последнем своем наблюдении Марсель Детьен был прав не вполне, поскольку обошел вниманием весьма любопытный социальный институт, сложившийся как раз в седьмом веке и позволивший ἄριστοι найти альтернативу тому срединному публичному пространству, которое им отныне приходилось делить с куда более многочисленной, чем они, массой «низких» людей. Речь идет об институте аристократического симпозиа, частного дружеского праздника, представлявшего собой специфическое развитие архаической практики сисситий и «перекочевавшего» из архаических мегаронов, где аристократы бронзового и раннежелезного периодов устраивали пиры для «простого люда»³, – в андроны, куда более скромные по вместимости мужские залы в городских домах. Симпосий – в отличие от пиров прежних времен – был рассчитан на узкое сообщество равных, к которому и были адаптированы соответствующие практики, ориентированные на самолегитимацию и на аккумуляцию символического капитала, а также практики агональные, гедонистические и демонстративные⁴. Резкий всплеск популярности сюжетов, связанных с Дионисом, в означенную эпоху, на наш взгляд, имеет смысл объяснять причинами диаметрально противоположными тем, что представляются более или менее общепринятыми в отечественной традиции еще со времен Вячеслава Иванова (Иванов,

³ Со всем набором сопутствующих демонстративных и социально-консолидирующих практик: жертвоприношениями, играми, рецитациями эпических текстов и т. д.

⁴ Схолии, коттаб, аскос – как интерьерная замена атлетическим состязаниям; на смену эпосу приходит «мода» на симпосиастическую поэзию (мелику, элегию, ямб), исполнение и восприятие

которой в большинстве случаев предполагают куда более узкие и интимизированные контексты. Лучшая на настоящий момент монография, посвященная симпозию как базовой форме древнегреческой культуры, была написана Франсуа Лиссаррагом (Лиссарга, 1987); русский перевод (Лиссарга, 2008). Подробнее этот сюжет раскрывается в (Михайлин, 2007).

1994): вместо того, чтобы гипостазировать некую неведомую самим грекам экстатическую и демократически ориентированную «дионисийскую религию» VII–VI веков до н. э.⁵, имело бы смысл обратить внимание на те контексты, с которыми устойчиво связаны дионисийские сюжеты, дошедшие до нас со времен условной середины VI века до н. э.⁶ До того как Писистрат в 534 году до н. э. учредил в Афинах праздник Великих Дионисий (давший начало, среди прочего, и аттическому театру), дионисийская образность существовала практически исключительно в симпосиастических контекстах: то есть была вписана в престижную аристократическую практику, не просто не являвшуюся частью «демократической культуры», но принципиально ей противопоставленную⁷.

Симпосиастическое пространство организовано на нескольких базовых принципах. Во-первых, на тотальном смешении культурных кодов (авторы исходят из тезиса о том, что в архаических культурах человеческое поведение задано набором культурных кодов, жестко сцепленных с культурными зонами, предназначенными для активности тех или иных половозрастных групп; репертуар всех возможных ролей, каждая из которых

имеет свой код, представленный в архаическом социуме, даже потенциально недоступен всем его членам) и поведенческих моделей: симпосий есть место, где статусный мужчина может, не «теряя лица», вести себя как ребенок или как сатир, и где ощущение свободы не противоречит сохранению самоконтроля. Во-вторых, на идее равенства всех лежащих за столом – и на исключении всего, что осталось за стенами симпосиастически преобразованного зала. Это равенство – до определенной степени – касается даже тех участников, кто не имеет гражданского статуса и кто в рамках бытовой повседневности привычно определяется как не принадлежащий к категории *άνήρ*: не-мужчина и, соответственно, не-вполне-человек. Гетера здесь вполне может быть участницей мужской беседы, а мальчик – не только адресатом, но и адресантом высказывания. Что, в свою очередь, – и в-третьих – связано с равноудаленностью от центра того пространства, где располагается динос или кратер со смешанным вином: источник общего чувства свободы, вместилище Диониса-Элевтерия (освободителя) и – поставщик сюжетов для разговоров и песен, поскольку кратер расписан и служит, среди прочего, еще и предметом

⁵ Ключевой для современной науки орфический текст, который можно было бы использовать в качестве доказательства существования такой «религии» – папирус из Дервени – был написан в середине IV века до н. э. и содержит поэму, время происхождения которой принято относить к самому концу V века до н. э., то есть ко времени, когда дионисийская сюжетика давно успела превратиться в элемент действительно массовой развлекательной культуры. Любопытно, что еврипидовы «Вакханки», трактующие дионисийскую сюжетнику как раз в «экстатическом» и мистическом ключе, столь характерном для поздней античности, писались для постановки при дворе македонского царя Архелая в Эгах: *аристократические* гробницы в Дервени, где, собственно, и был найден папирус, находятся совсем неподалеку отсюда (Studies..., 1997).

⁶ Начиная прямо с диноса работы Софила (580–570 гг. до н. э.) из Британского музея (1971, 1101.1).

⁷ В быту греки пользовались нерасписной посудой, либо же посудой, украшенной элементарными декоративными элементами. Сложный декор и детально проработанная сюжетика расписных ваз «обслуживали» исключительно симпосиастические контексты; изящная симпосиастическая посуда изготавливалась на заказ и представляла собой атрибут достаточно высокого качества жизни, недоступного беднейшим слоям населения. Расписные сосуды если и не всегда, то достаточно регулярно предназначались для использования на одном конкретном симпосии: «адресные» вазы частотны весьма и весьма, а если добавить к ним вазы, посвященные конкретным событиям или обыгрывающие столь же конкретные обстоятельства, то представление об эксклюзивном характере этой посуды приобретет дополнительное измерение. Подробнее об этом и библиографию см.: (Михайлин, 2012).

заинтересованного разглядывания. И, наконец, в-четвертых, те сюжеты, которые предлагает симпосиасту Дионис, обладают неотразимой притягательностью. Они дают ему возможность «побывать» в иных контекстах, радикально отличающихся от наличной ситуации: либо возвышенных (мифы о богах и героях, воинские, охотничьи или атлетические агоны), либо подчеркнуто «низких» (жанровые сценки, фигуранты которых так или иначе маргинализированы, – это сатиры, женщины, варвары, пьяные или публично совокупающиеся персонажи). И в то же время симпосиаст сохраняет за собой роскошную – и совершенно безопасную – позицию внешнего наблюдателя по отношению к той «интересной» проективной реальности, в которую Дионис позволяет ему заглянуть.

Симпосий позволял сохранить поэзию и память как групповые привилегии, утрачиваемые в публичном поле, но вполне действенные в пределах элитарной «публики своих», ограниченной пределами аристократического фиаса или стенами симпосиастической залы – а потому и оставался престижной практикой на протяжении долгих веков. Об этом можно судить хотя бы по платоновскому «Пиру» (собственно, «Симпосию», Συμπόσιον), написанному около 380 года до н. э., то есть уже по прошествии растянувшегося на полторы сотни лет «золотого века» афинской демократии. Экспозиция к диалогу представляет собой разговор двух случайных прохожих, один из которых просит другого пересказать события, происходившие на симпосии, имевшем место в 416 году до н. э., «во времена нашего детства» (Пир, 173a) – то есть, как минимум, за четверть века до описываемой сцены. Аристократический симпосий в том виде, в котором он существовал в эпоху греческой архаики, будет трансформироваться и порождать многочисленные производные практики,

как подчеркнуто «высокие» (массовые пиры при дворах эллинистических властителей), так и повседневные, характерные для незнатных и небогатых слоев населения, которым, однако, тоже «хочется как у людей» (пирушка наемников с участием одной живущей по соседству гетеры, представленная в XIV Идиллии Феокрита). Но пока, применительно ко второй половине VI века до н. э., он важен для нас прежде всего потому, что именно в это время гений афинских политических манипуляторов породил на его основе нечто совершенно необычное.

У нас есть серьезные основания полагать, что престижный характер симпосия стал одной из ведущих причин при создании древнеаттического театра⁸. Сама структура театрального пространства не случайно имитирует пространство симпосиастическое: места для участников расположены по трем сторонам от центра, в котором находится источник *дионисийского* удовольствия: с той разницей, что, в отличие от расписного кратера с вином, театральная орхестра предлагает сюжеты не только «одухотворенные изнутри», но и движущиеся, и озвученные. Что не мешает означенным выше принципам организации симпосиастической вовлеченности оставаться действенными. С предложенной точки зрения, театр, по сути, представляет собой «снятую» модель симпосия, переложенную на принципиально другой масштаб вовлеченности. Устроителем театрального представления в равной степени являлись как город, позиционируемый политической элитой неизменным и континуальным актором, высшим и персонифицированным воплощением публичного пространства, – так и конкретное частное лицо (хорег, χορηγός), принадлежащее к этой элите и осуществлявшее конкретную постановку на свои собственные средства. Тем самым политик конвертировал личный/семейный

⁸ Подробнее об этом см.: (Михайлин, 2011).

символический капитал в капитал более высокого, общезначимого порядка: κτήματα в ξύβνια, если вспомнить о категориях, в которых Марсель Детьен описывает древнегреческое «серединное» пространство. Собственно, в этом и заключалась сущность древнегреческой «литургии» (λεῖτουργία), услуги, которую гражданин оказывал «обществу», не требуя материального воздаяния, но обретая тем самым более высокий уровень социального доверия. Таким образом, хорег и город, не имея возможности «пригласить всех сограждан на симпосий» за очевидной невозможностью одновременно вместить и напоить вином такое количество людей, угощали все гражданское сообщество «культурной программой», – параллельно решая задачи, связанные с обеспечением легитимирующих и мобилизационных стратегий, режимов общей социальной вовлеченности и т. д. С рождением театра простой афинский гражданин обрел доступ к удовольствию, которое в определенной мере было сродни тому, что получал британский конторский служащий середины XIX века, читая светскую хронику в The Illustrated London News и обсуждая с приятелями первый бал королевы Виктории в 1842 году или, уже в 1851-ом, проект Хрустального дворца, который появился в газете раньше, чем его успел увидеть принц Альберт. С той разницей, что у афинянина степень вовлеченности в престижный контекст была на порядок выше.

Однако до того как Афины превратились в общество спектакля, серединное пространство симпосия обеспечивало обмен социальными смыслами, не только позволяя устанавливать своим участникам горизонтальные связи, немислимые за его рамками, но синхронизировать собственные локальные культурные коды, тем самым избегая разрывов и дискретностей в дискурсе общегражданского единства; посредническая функция симпосия и

выражает характеристику протомедиальности. Фактически, симпосий работал как специфический коммуникационный канал, приводящий коды базовых половозрастных групп, основанные на противопоставлении друг другу, к общему знаменателю.

Литература

Даренская, В. Н. и Лугуценко, Т. В. (2022), «Исторические типы социальной коммуникации», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 8 (1), 5-17. DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-1.

Егорова, Н. О. (2020), «К вопросу о жанровых источниках “Путешествия из Петербурга в Москву” А. Н. Радищева», *Art Logos*, 1 (10), 8-15.

Завойкина, Н. В. (2015), «Симпосий в археологическом контексте», *Краткие сообщения Института археологии*, 241, 103-109.

Зарапин, О. В. и Шапиро, О. А. (2016), «Философский текст и коммуникация в симпосийном формате», *Философская мысль*, 11, 11-21. DOI: 10.7256/2409-8728.2016.11.20953

Зельченко, В. В. (2021), «Theogn. 861–864», *Индоевропейское языкознание и классическая филология*, 25-1, 414-423. DOI: 10.30842/ielcp230690152525

Иванов, Вяч. И. (1994), *Дионисизм и прадионисийство*, Алетейя, Санкт-Петербург.

Лиссарраг, Ф. (2008), *Вино в потоке образов: эстетика древнегреческого пира*, пер. Решетниковой, Е., Новое литературное обозрение, Москва.

Михайлин, В. (2007), *Дионисова борода: визуальная организация поведенческих практик в древнегреческой пиришествной культуре*, ЛИСКА, Саратов.

Михайлин, В. (2011), «Древнегреческая симпосиастическая культура и проблема происхождения афинского театра», *Литература и театр*, Офорт, Самара, 250-265.

Михайлин, В. Ю. (2012), «Когнитивные рамки восприятия древнегреческой вазописии времен архаики и классики: пространственные и контекстуальные аспекты», *Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Философия. Психология. Педагогика*, 12 (3), 78–82.

Пичугина, В. К. (2015), «Воспитание на пиру: Симпозиум от Аристофана до Макробия», *Историко-педагогический журнал*, 3, 109-119.

Платон (1993), «Пир», *Платон. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 2*, общ. ред. Лосева, А. Ф., Асмуса, В. Ф. и Тахо-Годи, А. А.; примеч. Лосева, А. Ф. и Тахо-Годи, А. А.; пер. с древнегреч., Мысль, Москва, 81-134.

Стрельникова, И. П. (1989), «Топика пира в римской сатире», *Поэтика древнеримской литературы: жанры и стиль*, Наука, Москва, 136-156.

Detienne, M., (1996), *The Masters of Truth in Archaic Greece*, Zone Books, N.Y.

Lissarrague, F. (1987), *Un flot d'images. Une esthétique du banquet grec*, Adam Biro, Paris, France.

Martin, R. P. (2001), “Just Like a Women: Enigmas of the Lyric Voice”, *Making Silence Speak: Women's Voices in Greek Literature and Society*, Lardinois, A. and McClure, L. (eds), Princeton University Press, Oxford, 55-74.

Laks, A. and Most, G. W. (eds) (1997), *Studies on the Derveni Papyrus*, Oxford University Press, Oxford, UK.

References

Darenskaya, V. N. and Lugutsenko, T. V. (2022), “Historical types of social communication”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 8 (1), 5-17, DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-1 (in Russ.).

Detienne, M., (1996), *The Masters of Truth in Archaic Greece*, Zone Books, N.Y.

Egorova, N. O. (2020), “On the issue of genre sources ‘Travels from St. Petersburg to Moscow’ by A. N. Radishchev”, *Art Logos*, 1 (10), 8-15 (in Russ.).

Ivanov, Vyach. I. (1994), *Dionisizm i pradiionisistvo* [Dionysism and praedionism], Aleteya, Saint-Petersburg, Russia (in Russ.).

Laks, A. and Most, G. W. (eds) (1997), *Studies on the Derveni Papyrus*, Oxford University Press, Oxford, UK.

Lissarrague, F. (1987), *Un flot d'images. Une esthétique du banquet grec*, Adam Biro, Paris, France (in French).

Lissarrague, F. (2008), *Vino v potoke obrazov: estetika drevnegrecheskogo pira* [Wine in the flow of images: aesthetics of the ancient Greek feast], Transl. by E. Reshetnikova, Novoye literaturnoye obozreniye, Moscow, Russia (in Russ.).

Martin, R. P. (2001), “Just Like a Women: Enigmas of the Lyric Voice”, *Making Silence Speak: Women's Voices in Greek Literature and Society*, Lardinois, A. and McClure, L. (eds), Princeton University Press, Oxford, 55-74.

Mikhaylin, V. (2011), “Ancient Greek symposiastic culture and the problem of the origin of the Athenian theater”, *Literatura i teatr* [Literature and Theater], Ofort, Samara, Russia, 250-265 (in Russ.).

Mikhaylin, V. (2007), *Dionisova boroda: vizualnaya organizatsiya povedencheskikh praktik v drevnegrecheskoy pirshestvennoy kulture* [Dionisova beard: visual organization of behavioral practices in ancient Greek feasting culture], LISKA, Saratov, Russia (in Russ.).

Mikhailin, V. Yu. (2012), “Cognitive Frames of Archaic and Classical Greek Vase-Painting Perception: Spatial and Contextual Aspects”, *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 12 (3), 78-82 (in Russ.).

Pichugina, V. K. (2015), “Upbringing at a feast: A symposium from Aristophanes to Macrobius”, *Istoriko-pedagogicheskiy zhurnal* [Historical and pedagogical journal], 3, 109-119 (in Russ.).

Plato (1993), “Symposium”, *Sobranie sochineniy: V 4 t. T. 2* [Collected works: In 4 vols. Vol. 2], in Losev, A. F., Asmus, V. F. and Takho-Godi, A. A. (eds), Mysl, Moscow, Russia, 81-134 (in Russ.).

Strelnikova, I. P. (1989), “Topic of the feast in Roman satire”, *Poetika drevnerimskoy literatury: zhanry i stil'* [Poetics of ancient Roman literature: genres and style], Nauka, Moscow, Russia, 136-156 (in Russ.).

Zarapin, O. V. and Shapiro, O. A. (2016), “Philosophical text and communication in a symposium format”, *Philosophical thought*, 11, 11-21, DOI 10.7256/2409-8728.2016.11.20953 (in Russ.).

Zavoykina, N. V. (2015), “Symposium in an archaeological context”, *Brief Communications of the Institute of Archaeology*, 241, 103-109 (in Russ.).

Zelchenko, V. V. (2021), “Theogn. 861-864”, *Indo-European Linguistics and Classical Philology Yearbook*, 25-1, 414-423, DOI: 10.30842/ielcp230690152525 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the authors have no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРАХ:

Михайлин Вадим Юрьевич, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, ул. Астраханская, д. 83, г. Саратов, 410012, Россия; vmikhailin@yandex.ru

Тихонова Софья Владимировна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры теоретической и социальной философии,

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, ул. Астраханская, д. 83, г. Саратов, 410012, Россия; segedasv@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Vadim Yu. Mikhaylin, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Chernyshevsky Saratov National Research State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov, 410012, Russia; vmikhailin@yandex.ru

Sophia V. Tikhonova, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Theoretical and Social Philosophy, Chernyshevsky Saratov National Research State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov, 410012, Russia; segedasv@yandex.ru